

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Д. А. Букаев
Минск, МГЛУ

АЛЛИТЕРАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В статье анализируется явление аллитерации на основе определений, характерных для немецкой и белорусской литературных традиций и отражающих наиболее важные особенности ее употребления в рамках данных национальных литератур. Учет как лингвистических, так и литературных особенностей употребления аллитерации позволяет лучше понять ее характер и причины наблюдающихся различий в трактовке данного явления и его роли в литературной традиции. Рассматриваются истоки этого феномена и его роль в контексте истории развития национальных литератур, приводятся примеры употребления аллитерации в известных произведениях.

Аллитерация, будучи одним из наиболее древних стилистических и ритмических средств, известных человечеству, наблюдается в самых разных национальных литературах. Однако традиции, связанные с ее употреблением существенно разнятся в разных культурах. Рассмотрим использование аллитерации в немецкой и белорусской литературе.

Главные особенности употребления явлений в рамках литературных традиций обычно закреплены в определении, которым пользуются носители конкретного языка. Так, немецкий ученый Б. Мённингхоф определяет аллитерацию как «повторение одинаковых анлаутов (опорных согласных) в следующих друг за другом, либо синтаксически связанных словах» [1, S. 15]. В литературоведении такая трактовка обычно рассматривается как узкое понимание аллитерации. При этом он отмечает, что данное определение относится как к прозаическим, так и поэтическим текстам. Если же обратиться к истории литературы, то первый зафиксированный случай употребления аллитерации относится к VII в. и зафиксирован в «Песни о Хильдебранде». Эта поэма на древневерхне-немецком языке включает в себя множество примеров аллитерации: *Hiltibrant enti Hadubrant untar herium tuet*. Древнегерманская поэзия отличалась от современной в первую очередь тем, что она строилась на тоническом принципе стихосложения. Также важным фактором является то, что ударение в древнегерманском падало на первый слог, что способствовало употреблению аллитерации для связывания значимых слов и созданию определенной ритмической структуры. Данная традиция занимала главенствующее положение до XI в., когда ее заменила заимствованная из романских языков силлаботоническая версификация в сочетании с конечной рифмой. С этого времени до XVIII в. случаи употребления аллитерации были спорадическими. В XVIII в. в Германии формируется литературное движение «Буря и натиск», которое можно

рассматривать как проторомантизм, что обусловлено в первую очередь интересом к устному народному творчеству. В устной народной традиции, в отличие от официальной литературной, аллитерация сохраняла свое значение, что в частности зафиксировано в многочисленных немецких поговорках. Благодаря «Буре и натиску» аллитерация вернулась в литературную традицию, и в качестве примера можно привести произведение И. Гёте «Der Erlkönig»: *Meine Mutter hat manch gülden Gewand*. До настоящего времени в немецкой литературе аллитерация остается распространенным стилистическим и ритмическим явлением.

В белорусской литературной традиции понимание данного явления отличается от немецкого. Известный белорусский литературовед В. Рагойша дает следующее определение аллитерации: «Алітэрацыя (ад лац. ad – да, пры і littera – літара) – прадвызначанае пэўнымі мастацкімі задачамі паўтарэнне ў вершаванай мове аднолькавых або падобных зычных гукаў» [2, с. 309]. В данном случае мы имеем уже широкое понимание аллитерации, не привязывающее ее к определенной позиции в слове. Такое определение обусловлено историческим развитием белорусского языка. В отличие от немецкого, процесс развития славянских языков в целом и восточнославянских в частности привел к разному расположению ударения. В случае восточнославянских языков к XIII в. сформировалось свободное ударение, что, безусловно, повлияло на употребление аллитерации. Она в белорусской литературной традиции не привязана к определенной позиции в слове, однако это не повлияло на ее роль как связующего элемента семантически связанных слов, в первую очередь, в устном народном творчестве.

В XIX в. начала формироваться современная литературная традиция, основанная, в отличие от немецкой, главным образом, на устном народном творчестве, что не могло не отразиться на употреблении характерных для нее явлений. Поскольку аллитерация широко встречается в устном народном творчестве, она перешла и в официальную литературную традицию. Стоит также отметить, что аллитерация играет важную роль своеобразной визуализации, например, в поэме «Новая Зямля» Я. Коласа она используется для передачи шумов во время грозы: *А дождж шуміць, а дождж гудзе / І бліжэй-бліжэй ён ідзе*. М. Богданович называл аллитерацию одним из наиболее тонких средств поэтического воздействия. В литературной традиции XX в. она занимает подчиненное положение, что не мешает ей время от времени становиться в определенных произведениях одним из основных средств художественного воздействия. Примером такого употребления служит стихотворение Р. Бородулина «Матылёк», состоящее из 66 слов (включая 15 рабочих), и котором в 58 словах повторяется звук л: *Лілею млявы плёс люляе, З-над злежанных аблок здалёк, ляціць віхлясты і бялявы, пялёстак лёгкі – матылёк*. Также в 1975 г. поэт Р. Крушина впервые в современной белорусской литературе применяет такую разновидность аллитерации, как тавтограмма, – метод построения стиха, который предполагает использование исключительно слов, начинающихся на одну и ту же букву.

Впервые данное явление встречается в стихотворении «Спевы Сняжынак»: *Смута́к смяко́тны./ Слухаю́ спевы́ смяжы́нак./ Стогне́ сухотны́/ Сі́лы суглі́нак.* Под влиянием русской литературной традиции в советский период употребление аллитерации в основном ограничивалось поэзией. Многие известные писатели, в частности М. Горький, не рекомендовали использовать аллитерацию в прозе, если она не необходима для звукоподражания. В данной роли аллитерация изредка встречается в белорусской прозе, например, у З. Бядули в произведении «У шалашы»: *Ад дажджу тады шурашаў шалаш, нібы мышы скраблі.*

Анализ особенностей употребления аллитерации в немецкой и белорусской литературных традициях показал, что лингвистические и стилистические факторы сформировали различные подходы к данному явлению. Немецкая литературная традиция, хоть и рассматривает аллитерацию в более узком ее значении, предполагает ее употребление в гораздо большем количестве текстов, в то время как белорусская литературная традиция, допуская более широкое понимание аллитерации, сужает ее использование поэтическими текстами и звукоподражанием в прозе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burdorf, D. Metzler Lexikon Literatur. Begriffe und Definitionen / D. Burdorf, C. Fasbender (Hgg). – 3. völlig neu bearb. Aufl. – Stuttgart; Weimar, 2007. – 845 S.*
2. Гукапіс. Паэтычны слоўнік / В. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск.: Белнавука, 2004. – 576 с.

This article is dedicated to the analysis of alliteration within the traditions of German and Belarusian literature. It gives an overview of the definitions of this phenomenon within the appointed national literatures and uses examples from notable German and Belarusian literary pieces to illustrate the differences.

Е. А. Дорош
Минск, МГЛУ

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ (на материале произведений Г. Бёлля)

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «война» в немецкой лингвокультуре и приводятся результаты сопоставительного анализа образных средств его выражения в немецком и русском языках на материале произведений немецкого писателя Генриха Бёлля. Методом сплошной выборки из немецкого текста романа «Где ты был, Адам?» был сформирован корпус языкового материала для сопоставительного анализа и рассмотрены основные лексико-грамматические и стилистические средства выражения концепта «война». Его описание и раскрытие представляется нам как выявление максимально полного набора характерных признаков и было смоделировано при помощи построения фреймовой модели.